

«САМАЯ ЖЕСТОКАЯ ПРОФЕССИЯ»

Остров Форс находится в Балтийском море между Швецией и Советским Союзом. Шведы называют его «островом Бергмана», с тех пор как режиссер обосновался здесь: построил дом, оборудовал маленькую киностудию, а произошло это восемнадцать лет назад. Остров пустынен, тих, весь год его обдувают холодные морские ветры.

Метрах в ста от пляжа в окружении кирпичной стены и ряда кривых деревьев стоит выкрашенный желтой краской дом. Здесь в кабинете, за письменным столом, поставленным против белой стены, работает Бергман ежедневно, с семи утра до четырех дня. Его последние фильмы, в частности «Фанни и Александр», тоже родились здесь, на берегу моря.

Итальянский журнал «Панорама» опубликовал беседу с Ингмаром Бергманом. Мы перепечатаем ее с некоторыми сокращениями.

Сорок четыре ленты снял режиссер, и все они для него нечто вроде портрета Дориана Грея: Бергман во имя собственного освобождения перенес в эти ленты и свою тоску, и муки поисков, которые он пережил. «Я всегда говорил только своим собственным голосом, носил только то, что по мне, хотя это досталось недешево», — говорит он.

Остров, на котором он живет, вовсе не стал для него бастией из слоновой кости. Острову Форс и его забытым властями обитателям он посвятил два документальных телефильма. Они рассказывают о стрижке овец, о тяжелой и полной достоинства жизни рыбаков и крестьян. Есть кадры, на которых Бергман снял жизнь одинокого старого человека и его похороны суровым зимним днем. «Настоящий урок киностилистики. Эти фильмы по силе политического обвинения превосходят многие ленты политического кино», — писала с них критика.

Простые люди острова платят режиссеру такой же любовь. «Б тот вечер, когда мы узнали о присуждении ему премии Оскара мы все чувствовали себя немного режиссерами», — говорят они.

Достигнув порога 66 лет, Бергман говорит: «Стареть — это все равно, что взбираться

на высокую гору: чем дальше поднимаешься, тем меньше остается сил. Зато взгляд становится свободнее, а горизонты — шире, яснее и чище».

«Я ухожу из кино, — говорит режиссер, — но не могу отказаться от театра». Бергман только что приехал из Мюнхена после премьеры спектакля «Из жизни земляного червя», поставленного по психологическому детективу современного шведского драматурга Олова Эндквиста.

После премьеры Бергман вернулся на свой остров. А мир продолжает говорить о нем. Недавно на фестивале в Канне был показан вне конкурса короткометражный телевизионный фильм «После репетиции», посвященный его работе в театре.

Вот что рассказывает Ингмар Бергман о своей работе, о своих планах.

— Фильм «Фанни и Александр» должен был означать ваше «проще» кинематографу, однако вы заявлял корреспонденту шведского телевидения, что собираетесь снять кинокартину по одному из произведений Астрид Линдгрен. Так ли это?

— Нет нет, на этот раз я в самом деле прощаюсь с кино. Фильм по Астрид Линдгрен — очень сомнительная идея, нет никакого точного проекта, и

вообще-то речь шла о коротком телефильме, минут на шестьдесят—семьдесят. Мне бы хотелось снять эту картину, ведь главными героями снова были бы дети, а с детьми позволено работать всего два-три часа в день. Именно то, что нужно пожилому человеку вроде меня. Но нет актрисы на главную роль: так трудно найти настоящую пятилетнюю даму. В общем, может быть, еще ничего и не получится.

— За исключением ленты «Молчание» дети в ваших фильмах всегда были как бы фоном. Как случилось, что в последней ленте Бергмана они оказались на первом плане?

— Приходит старость, и круг замыкается. Мы понемногу возвращаемся в детство.

— А как возвращается в детство Бергман?

— Как бы это сказать... Каждый появляется на свет со своей собственной судьбой... В детстве наш характер формируется постепенно, но, как только он начинает проявляться, все окружающие немедленно стараются его подавить. Дети всегда стремятся к творчеству, социализации. Но наша школа, семья делают все, чтобы уничтожить эти стремления. Помню, например, как мне хотелось всеلاحظать, мой характер только начал проявляться — и сразу же между школой и семьей

установился тесный союз, направленный на то, чтобы подавить все это. Помню, каким чудовищным унижением была для меня вечная необходимость просить прощения у всех...

В фильме «Фанни и Александр» я возвращаюсь к этому периоду времени. Мальчик Александр — ребенок более защищенный, чем был я в этом возрасте, — сражается с окружающими, сражается с иронией, с сарказмом, со всей присутствующей ему непосредственностью. Он и Фанни — дети, но дети выросшие. Инфантильные окружающие их взрослые. В моих фильмах я всегда затрагиваю проблемы, с которыми сталкивался в детстве. Порой это действовало как хорошее лекарство.

— Теперь вы покидаете кино ради театра. Значит, вы уже выздоровели?

— Фильмы всегда были для меня каким-то наваждением. Я просто не мог не снимать их, мне надо было выразить то, что думаю, установить контакт с людьми. Я работал в кино более сорока лет. Это очень трудная профессия. Восемьдесят — сто дней, без перерыва ты находишься в напряжении — должен каждый день снять то, что потом превратится в три минуты фильма, и чтобы это было на самом высоком уровне. Никаких болезней, никаких личных проблем. Становишься частью фильма, и фильм становится частью тебя, важнейшим делом твоей жизни. Это самая жестокая профессия, какую только можно себе представить. А у меня уже нет тех возможностей, я не могу отдавать всего себя этой работе, как раньше, поэтому и предпочитаю более здоровую, менее нервную работу в театре. Театральный спектакль создается спокойнее: если в какой-то день ты не достиг желаемых результатов, можно наверстать в следующую неделю.

— Именно поэтому вы периодически заявляли о своем уходе из кино?

— Нет, это было для меня чем-то вроде заклинания против «глаза». Снимая фильм, я всегда думал о следующей ленте. Часто, особенно в первые десять—двенадцать лет моей работы в кино, я не был уверен, что смогу снять следующий фильм. Дело в том, что продюсеры должны зарабатывать. Если они не зарабатывают на тебе, берут другого. Таковы жестокие требования бизнеса. Поэтому, пока я не был уверен, что смогу снять еще один фильм, я вел себя так, будто тот, над которым в данный момент работаю, — последний. Потом я завоевал свою публику — не очень большую, но верную мне публику. Продюсеры уже знали, что я хоть не очень большой, но все-таки верный заработок. Так я мог продолжать работать.

— Дела, заработки... Индустрия кино часто превращает в товар чувства, человеческие привязанности.

— Эмоции, чувства — это товар для кино, для индустрии зрелищ вообще — таковы ее законы. Важно, чтобы этот товар был хорошего качества, чтобы это были настоящие чувства, подлинные эмоции. Взять, например, многосерийный американский фильм «Даллас» — это фальсификация действительности, эмоций, самой жизни.

— Однажды вы сказали: «Мой взгляд на проблемы морали может быть выражен одним словом — точность». Вы имели в виду свою профессию?

— Да. Антониони говорит, что каждое движение съемочной камеры — это принятие определенной моральной позиции. В театре то же самое: каждое движение актеров и вообще все, что есть на сцене, открывает зрителям позицию режиссера, его убеждения, и они должны быть выражены

предельно ясно. Точность — это моральная категория. Без нее невозможно создать это «третье измерение», эту поэзию и магию театра, как выражаются критики. Достичь этой магии можно только через упорную, усердную работу. Одна репетиция — ничего не получается. Вторая третья — ничего. А ты все работаешь. И вдруг — вот Оно. Нечто неосязаемое, не поддающееся определению — какой-то особый свет или движение — рождается то необычное, что и зовут поэзией театра.

— Режиссер — это тот, кто руководит, командует. Как строятся ваши отношения с актерами?

— Власть мне нравится, однако я давно не прибегаю к ней в отношениях с актерами. С течением времени я понял, что ни одного актера нельзя заставить делать то, что он не хочет. Для артиста его свободная воля, радость, которую он получает от своей роли, необходимы как воздух. Конечно, артиста можно заставить делать что-то, но тогда актер в нем умирает, потому что над его природой совершается насилие, а это очень опасно. И для актера, и для режиссера. Для меня в профессии режиссера главное — умение создать в театре атмосферу уверенности, умение проникнуться талантом актера, найти то, что ему мешает, помочь преодолеть возникающие трудности.

Когда мне было двадцать шесть лет, я начал работать в театре Гётеборга. Там был очень умный директор. Я тогда был молод, меня переполняло желание начать все заново. Пришлось встретиться со многими трудностями. Но он сумел увидеть во мне определенные способности и начал шлифовать их. Первый долг режиссера, говорил он мне, это слушать, смотреть и держать рот закрытым. Он был прав. Эти уроки были для меня бесценными.

— Вы предпочитаете работать с одной и той же группой актеров из-за того, что так удобнее?

— Нет, это не так. Недавно состоялась премьера «Короля Лира» на сцене Стокгольмского королевского театра, который я оставил восемь лет назад. Из двадцати пяти актеров, которые участвуют в этом спектакле, было много новых, я видел их впервые, и все мы остались довольны друг другом.

— Что вы скажете о «Короле Лире»?

— С «Королем Лиром» я жил последние три года и стал уже думать, что, может быть, сам на него немного похож. Это — драма невероятного, сверхающегося богатства.

— Гольдони говорил, что жизнь — это театр. Для Бергмана это так же?

— Нет. Постепенно я оставлю и театр, и мою профессию режиссера. Я уже начал — кино Это происходит естественно, как естественно за летом приходит осень, а за ней — зима. Внимание, любопытство, которое вызывают во мне человеческие существа, бесконечно растут. Каждое лето в Форс приезжают мои дети, они заполняют мой остров, привозят с собой кто девушку, кто молодого человека, а кто и своих новых детей. В это время у меня живут двадцать пять человек. Мне нравится наблюдать за ними, следить, как жизнь меняет их, как меняются их желания, их пристрастия — вот что обнаруживает теперь мой взгляд. Десять лет назад они меня не интересовали: я снимал мои фильмы, ставил спектакль. А теперь постепенно пробуждается во мне этот интерес, это новое отношение и к моим детям, и к моим чувствам. Это переполняет меня, и я очень счастлив.

Перевод с итальянского Л. ФИЛАТОВОЙ.